

НАУКА / РЕЦЕНЗИИ

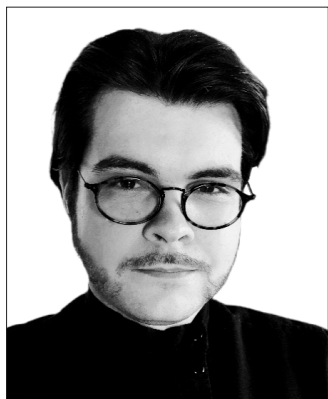
МАРТЫНОВ *Иннокентий Алексеевич*

САМАРИТЯНИН И КАННИБАЛ: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИОЭТИКА ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ*

DOI: <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2021-1-21/05>

Ссылка при цитировании:

Мартынов И.А. (2021) Самаритянин и каннибал: психоаналитическая биоэтика трансплантации органов. *Медицинская антропология и биоэтика*, 1(21).

Иннокентий Алексеевич Мартынов –

магистр психологии (ВШЭ),
психоаналитик,
стажер-исследователь
Центра медицинской антропологии
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
(Москва)

<https://orcid.org/0000-0002-3425-3669/>

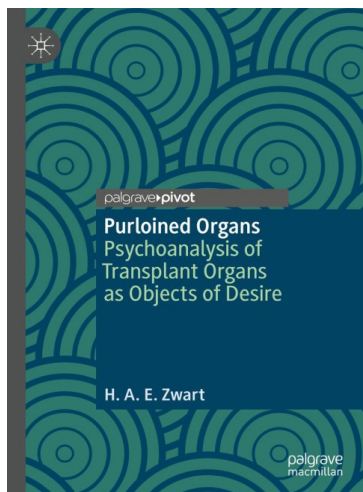
E-mail: i.martynov@iea.ras.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: биоэтика, трансплантология, психоанализ, желание, тело, телесность, Другой

Аннотация: Публикация представляет собой рецензию на последнюю работу голландского философа Хуба Цварта «Похищенные органы: психоанализ трансплантатов как объектов желания». Цварт отталкивается от наблюдения, что в глубине трансплантологии лежит конфликт двух дискурсов, биомедицинского и «самаритянского», который имеет значительные онтологические импликации. Биомедицина вовлекает человеческое тело в экстенсивную символизацию, тем

самым обуславливая значительные трансформации переживания человеком собственного тела. «Симптомом современности» по Цварту является утверждение символического (по Лакану) тела. В этом контексте Цварт предлагает читателю идеи: концептуализацию трансплантата органа как, во-первых, экстимного объекта, во-вторых, объекта желания (по Лакану). Несмотря на интуитивность концепции, нельзя не заметить отдельные несостыковки. Автор рецензии предполагает, что они вызваны, прежде всего, буквализацией со стороны Цварта лакановских формул желания. Это в свою очередь приводит к некоторой путанице: идеи Цварта оказываются между двух огней символического и воображаемого другого, так что не всегда удается распознать, о котором из них идет речь в конкретном случае.

Zwart, H. A. E. Purloined Organs: Psychoanalysis of Transplant Organs as Objects of Desire. Palgrave Pivot, 2019. 147 pp.: рецензия

Появление трансплантологии можно назвать одной из главных вех развития современной медицины. Однако распространение донорства органов обусловило коренные изменения не только в области здравоохранения. Практики трансплантации и донорства органов снова открывают вопрос о статусе тела и влияют на переживание человеком себя как воплощенного (embodied) субъекта. Части человеческого тела (трансплантабельные органы) коммодифицируются: напряжение между тем, что есть у потенциального донора, и тем, в чем нуждается реципиент, превращает органы в ценные и доступные для изъятия объекты желания. Критическому исследованию этого феномена посвящена книга голландского психолога и философа, директора школы философии Роттердамского университета Хуба Цварта «Похищенные органы: психоанализ трансплантатов как объектов желания» (Purloined Organs: Psychoanalysis of Transplant Organs as Objects of Desire).

Современный биомедицинский дискурс переоформляет человеческое тело как потенциальный источник для «переработки» (recycling)

органов в пользу страждущих – как набор отделимых, заменяемых и ре-инкорпорируемых частичных объектов. Здесь Цварт обращает внимание на определенное онтологическое напряжение: тело как ресурс vs тело неприкосновенное; интрузивная «добывающая» хирургия vs дискурс человеческого достоинства и альтруизма. С одной стороны, биомедицинский дискурс переоформляет тело как ресурс переработки органов – коммодифицированных объектов желания – с другой, трансплантацию органов все еще продолжают подавать в обертке понятийного аппарата «самаритянства» – бескорыстного альтруизма и «дара жизни». Отсюда Цварт выводит проект новой практической области – глубинной этики (по аналогии с т.н. «глубинной психологией») – в фокусе которой оказываются сокрытые в глубине биоэтических изысканий конфликты, напряжения и противоречия, обуславливающие представления, артикулированные на более манифестных уровнях дискурса. Основой глубинной биоэтики по Цварту служит инструментарий психоанализа, позволяющий вынести за скобки более манифестные этические вопросы и проблемы, для того чтобы сфокусироваться на более фундаментальных (латентных) концептуальных сдвигах (Zwart 2019: 1–3).

Книга состоит из двадцати двух глав, которые можно распределить в две части: теоретическую и практическую. Теоретические вопросы автор исследует в 14 главах, посвященных: постановке проблемы (глава 1 «Введение: переработка органов и телесность»), истории развития представлений о теле, как о собрании заменяемых частей, от средневековой теологической мысли до современного биомедицинского дискурса (глава 2 «Тело как агрегат заменяемых частей» и глава 3 «Онтологическое противостояние: интеграция против фрагментации»), психоаналитической теории телесности (глава 4 «Реальное, воображаемое, символическое: лакановское понимание телесности», глава 5 «Любовь и идеализация тела», глава 6 «Каннибализм и частичный объект» и глава 7 «Другая аналогия: католический культ Святого сердца»), психоаналитической концепции желания, власти и дискурса (глава 8 «Типы дискурса» и глава 14 «Сепарация и желание»), психоаналитическому разбору феномена трансплантации органов и обозначению нового статуса трансплантированного органа как *экстимного*¹ (extimate) объекта (глава 10 «Лакановская диагностика трансплантации органов» и глава 13 «Трансплантант как экстимный объект») и тому, как концепция экстимного объекта соотносится с представлениями врача и психоаналитика Альфреда Адлера о «недостаточности органа» (глава 11 «Концепция Альфреда Адлера о недо-

статочности органа»), а также тому, какое место в концепции автора занимают технологические объекты, как, например, *кохлеарные импланты*² (глава 15 «Биос и технэ»).

Во второй части Цварт фокусируется на разборе своеобразных кейсов. Исследование кейса – это специфический метод психоанализа (Rustin 2019). В качестве практического материала автор избирает различные произведения кинематографа и литературы, в т.ч. автобиографической. Такой выбор продиктован тем, что, как подчеркивает философ, кино и литература относятся к современной культуре так же, как сновидения или фантазии относятся к обыденному сознанию, т.е. «предоставляют сцену, где разыгрываются, апробируются и ставятся под вопрос конфликтующие представления о человеческой телесности»³ (Zwart 2019: 3–4). В качестве кейсов Цварт выбирает ряд литературных произведений: мемуары основателя современной трансплантологии, хирурга Томаса Старзла (глава 12 «Случай Томаса Старзла»), эссе «Названный гость» (L’Intrus), где философ Жан-Люк Нанси рассуждает о собственном опыте получения трансплантата (глава 16 «Открывая вторжения/вторгаясь в откровения»), роман «Средний пол» (Middlesex) американского писателя Джеффри Евгенидиса (глава 22 «Еще: “Средний пол” и пересотворение тела»); кинофильмов: франко-канадский фильм «Монреальский Иисус» Дени Аркана (Jésus de Montréal, 1990) (глава 18 «Извлечения дара»), французский фильм «Незванный гость» Клэр Дени по одноименному эссе Жана-Люка Нанси (L’Intrus, 2004) (глава 19 «Токсичность похищенного импланта»), американский фильм «Адреналин 2: высокое напряжение» (Crank 2: High Voltage, 2009) (глава 20 «Похищенный орган»).

Количество глав может вызвать у читателя определенное смещение. Однако их, скорее, можно назвать небольшими эссе. Они, несмотря на свою самодостаточность, филигранно сплетены в последовательный критический нарратив, призванный не столько запутать читателя, как это обыкновенно случается в работах из области прикладной философии, сколько разбить мысль автора на ряд небольших логических ходов – раскрыть теорию, на которой основан каждый из них, и, таким образом, незаметно ввести читателя в понятийный аппарат психоанализа, даже если он ранее не был с ним знаком.

Тело: символическое или воображаемое

В качестве отправной точки своих размышлений Цварт приводит следующее наблюдение. Философ указывает на существование определенного внутреннего конфликта⁴ современной трансплантации

органов прежде всего на дискурсивном уровне. В игру вступают два противоречащих дискурса. С одной стороны, трансплантация органов обернута в дискурс «самаритянства» – бескорыстной жертвы, дара достойной жизни для *другого*. С другой стороны, биомедицинский дискурс оперирует представлениями о человеческом теле как количественно представимом агрегате показателей, жидкостей, взаимозаменяемых частей. Несмотря на то, что противоречие вскрывается на уровне дискурсов, оно имеет непосредственные онтологические импликации. С точки зрения психоанализа это онтологическое противоречие можно выразить следующим образом. В первом случае мы имеем дело с так называемым воображаемым телом – идеальным, целостным телом⁵ воображаемого *другого*, недостижимым образцом целостности, функционирующим как ключевой референт для субъекта, пытающегося привести к такой же целостности свой *реальный* (по Лакану – фрагментированный) телесный опыт. Во втором случае мы имеем дело с так называемым *символическим* телом. Биомедицинский дискурс вовлекает тело в экстенсивную символизацию: тело измеряется, квантифицируется, квалифицируется посредством все нового медицинского оборудования и внедрения все новых показателей (Zwart 2019: 18). Такие процессы не только существенно трансформируют то, как человек переживает собственное тело. Это имеет значительные нормативные последствия. *Символическое* по Лакану связано прежде всего с понятием Закона, *Другого* и (социального) порядка. В связи с этим Цварт замечает, что «*воображаемое тело* (тело как осмысленное единство или целое) искажается этими сильными символическими репрезентациями тела, открывая его для просчитанных интервенций и эффективных манипуляций» (Zwart 2019: 21). В таком контексте «самаритянство» предстает как некоторая идеология, обслуживающая герметичные интересы биомедицины. Цварт прямо называет это «продонорской пропагандой» (Zwart 2019: 66).

Объекты желания и недостижимая нормальность

Цварт начинает с лакановского триумза: человеческий субъект переживает свое тело не как целостность, но как некоторую нехватку (Zwart 2019: 26). Здесь в конфликт вступает опыт переживания чрезмерно фрагментированного *реального* тела и чрезмерно целостного *воображаемого* тела – Зеркала, которое, пусть и будучи собственным отражением, все же напоминает о существующем зазоре, не позволяющем утвердить полную тождественность (Lacan 2001). Таким образом, образуется некоторая лакуна, нехватка, которую субъект пытается

ся заполнить. Вследствие этого формируется то, что Лакан называет *объектом [маленькая] a* (*objet petit a*) – от французского *autre* (*другой*) – нечто, чем обладает *другой*, что делает его полноценным и желанным, чего субъект лишен. Цварт резюмирует, что *объект a*, способный вернуть субъекту целостность, становится объектом желания (Zwart 2019: 27). Объектами желания могут стать и отдельные части человеческого тела. Автор полушутя проводит параллель между добычей органов для трансплантации и ритуальным каннибализмом: как для каннибала человеческий орган становится объектом желания, поскольку его потребление имеет силу восполнить тот или иной символический недостаток (наделить определенной чертой), так же и донорский орган становится объектом желания для реципиента, поскольку имеет силу восполнить некоторый физический дефект, заменить «сломанный» орган как сломанную деталь (Zwart 2019: 31). Автор подчеркивает (Zwart 2019: 49), что если настоящий каннибал стремится к воображаемому идеалу, то целью биомедицины здесь является восстановление тела реципиента до нормальности (символическое понятие, описываемое в терминах квантифицируемых показателей), а не его целостность (понятие, относящееся к *воображаемому* представлению о теле в терминах целостности, которое принадлежит к области идеала).

Цварт утверждает, что даже в случае успешной трансплантации донорский орган никогда не станет до конца «своим». Он всегда будет оставаться инстанцией некоторой опасной инаковости внутри человека как в психологическом, так и в буквальном смысле: донорский орган потенциально токсичен, может быть отторгнут организмом, обрекает субъекта на тяжелую иммунодепрессивную терапию. Трансплантат – это платоновский *фармакон*, то есть объект одновременно полезный и ядовитый (Zwart 2019: 64). Для описания такого объекта, одновременно и очень близкого, и радикально чужого, Цварт обращается к предложенному Лаканом концепту *экстимности* (*extimate object*) (Zwart 2019: 50).

По Цварту именно в феномене *экстимности* кроется главное противоречие трансплантации органов. Главная цель трансплантации – восстановление нормальности. Но с точки зрения целостности тела любой трансплантат – это провал, даже в случае успешной операции: имплантированный орган остается *экстимным объектом*, навсегда напоминая субъекту о собственной «ненормальности» (Zwart 2019: 52).

Буквализация как риторическая эвристика

По Мелани Кляйн (Klein 1946), грудь матери является для младенца частичным объектом: младенец воспринимает грудь не как часть

другого субъекта, но как отделяемый, частичный объект. С такими объектами связано формирование того, что Лакан назовет *объектом а*. Поскольку орган, доступный для трансплантации, казалось бы, тоже является отделяемой частью тела, автор ошибочно выводит тождество частичного объекта и органа (напр., Zwart: 26). Аргумент Цварта строится на странной буквализации лакановского концепта *объекта а*. Строго говоря, такого тождества провести нельзя. Частичный объект, каким бы желаемым он не был, не является непосредственно *объектом а*. *Объект а* – это, по Лакану, не конкретный желаемый объект, а *объект–причина желания (l'objet cause du désir)*, лакуна в субъекте, которая заполняется неограниченным перечнем объектов. На всем протяжении книги Цварт выводит это ложное тождество несколькими способами. Каждый из них можно представить в виде нескольких простых логических ходов. Вот некоторые из них.

I.

1. *Объект а* – объект желания; то, чего не хватает, чтобы вновь обрести полноту и целостность, заполнив лакуну в субъекте;

2. Ритуальный каннибализм или трансплантация органов видят в органе желаемое, восполняют целостность/дефицит посредством помещения в буквальную «лакуну» (внутри тела) человеческого органа;

3. *ergo*: орган=*объект а*.

II.

1. Донор находится в позиции другого, который может заполнить «пустоту» в реципиенте трансплантатом;

2. Другой – это тот, кто заполняет лакуну в субъекте посредством *объекта а*;

3. *ergo*: орган=*объект а*.

III.

1. «Сломанный» орган привлекает внимание реципиента к не-целостности тела и фокусирует внимание на телах других – потенциальных доноров – и частях их тел, способных вернуть утраченную целостность;

2. Другой обладает некоторый объектом, который делает его целостным и желанным, посредством обретения которого субъект может вернуть себе целостность;

3. *ergo*: орган=*объект а*.

IV.

1. *Объект а* – это нечто, что есть у другого, а не у меня;

2. Здоровый трансплантабельный орган – это нечто, что есть у другого, а не у меня;

3. *ergo*: орган=*объект а*.

Можно заметить, что все четыре выбранные мной построения на самом деле эксплуатируют одну и ту же мысль, однако необходимость размазать её по всему массиву текста книги заставляет автора заниматься такой риторической эвристикой: жонглированием разными аргументами, которые идут по одной и той же траектории.

Противоречивость такой тождественности высвечивается и самим Цвартом во второй части книги. Для описания концепции *объекта а* автор приводит некоторые формулы, которые Лакан некогда предложил в качестве попытки формализации психоаналитического знания. Среди них Цварт использует формулу, которую заимствует из так называемого лакановского «графа желания»: $\$ \Delta a$. Этот ромбик в формуле Лакана представляет собой ромбообразные векторные отношения (две стрелки от кастрированного субъекта ($\$$) к объекту a (a) и обратно). Эта формула не просто иллюстрирует однонаправленное желание некоторого объекта, как это пытается показать автор. В действительности речь здесь идет о двунаправленном процессе. «Кастрированный» субъект, ощущающий нехватку (что есть у другого, чего нет у меня, что делает его желаемым?) испытывает желание некоторого неопределенного объекта (направление от $\$$ к a), при этом объект сам и является причиной этого желания: *объект а* – это пустое место, лакуна в другом, вместилище для фантазий субъекта, которая, в то же самое время, постоянно возвращает субъекта к собственной «кастрированности» – наличию лакуны в самом себе (движение от a к $\$$). Конкретные объекты, которые инвестируются желанием субъекта – это кажимость⁶, заместитель утраченного места, «дырки от бублика». Интересно, что, начиная с главы 14 («Сепарация и желание»), Цварт и сам приводит это разъяснение феномена объекта–причины желания, указывая, что сами трансплантаты – это онтологическая кажимость и только заместители объекта желания (Zwart 2019: 77–78).

Между лакановскими *Autre* и ‘*objet petit a*’

Создание таких «костылей» буквализаций и ложных тождеств вызвано тем, что Цварт решает сконцентрировать свои интеллектуальные изыскания на человеческом желании, в то время как материал (в том виде, в каком его приводит автор) изобилует проблематикой символического. Можно сказать, что работа Цварта заключается в противоречии двух «а»: большого Асимболического Другого (*Autre*) и маленького а динамики желания (*объект а* или *objet petite a*). И, как следствие, у Цварта местами возникает путаница между символиче-

ским *Другим* и воображаемым *другим*. Философ решает это противоречие в пользу последнего. Однако нельзя не обратить внимание, что такие интерпретации выглядят слишком буквально и искусственно. Такое решение приводит автора к заключению, о том, что любая пересадка органов онтологически неуспешна, поскольку орган становится *экстимным объектом*, напоминая о нецелостности тела субъекта. Однако, настаивая на том, что переход от воображаемого тела к символическому – это главный «симптом» современности (Zwart 2019: 22), автор упускает, что нехватка, лакуна, напоминающая о нецелостности – это и есть естественное состояние субъекта, вступившего в символический порядок. По Лакану, на чьих идеях Цварт основывает свою аргументацию, нет никакого противоречия между «самаритянством» и биомедициной: дискурс «самаритянства» – это и есть тот механизм, посредством которого символический *Другой* утверждает «успешность» операции по пересадке органов в терминах «дара жизни» – добра и зла. С этой точки зрения, речь здесь действительно идет о «глубинной психоаналитической этике», однако эта этика символического *Другого*, который утверждает свой символический порядок посредством нормативности хорошего и плохого.

Книга «Похищенные органы: психоанализ трансплантатов как объектов желания» (*Purloined Organs: Psychoanalysis of Transplant Organs as Objects of Desire*) поднимает нетривиальную проблему противоречий, скрытых под манифестными умствованиями биоэтики, и обозначает контуры новой дисциплины, позволяющей их исследовать – глубинной этики. Хотя книга изобилует интересными наблюдениями, следует обратить внимание на отдельные несоответствия. Самоповторы можно все же отнести не к недостаткам, но преимуществам данной книги: многократное и подробное обращение к одним и тем же концептуальным системам, примененным к разному материалу, несет значительную дидактическую ценность, которой так недостает современной психоаналитической литературе. Книга сподвигла меня вновь вернуться к семинарам Лакана и заняться изучением первоисточников. Этим она будет полезна и тем антропологам и биоэтикам, кто еще не знакомы с психоанализом. Книга сможет вдохновить их на самостоятельное изучение фрейдовской традиции.

Примечания

¹ *Экстимный* (extimate) – словослияние концептов внешнего (external) и внутреннего/близкого (intimate); неологизм, подчеркивающий парадоксальную природу донорства органов. *Экстимность* подразумевает, что объект,

пребывая внутри, остается отмечен стигмой инаковости. *Экстимность* подчеркивает, что, благодаря трансплантологии, дистанция между Я (*self*) и Другим резко сокращается, при этом инаковость сохраняется, но уже как нечто близкое и внутреннее (Zwart, 2019, 50).

² Кохлеарный имплант – живляемый медицинский протез, воздействующий на слуховой нерв с целью компенсации потери слуха пациентам с некоторыми формами тугоухости.

³ Перевод здесь и далее мой – И.М.

⁴ Здесь для Цварта конфликт является институциональным эквивалентом внутриспсихического конфликта, о котором привыкли говорить психоаналитики.

⁵ Лакан (Lacan 2001) выделяет три регистра телесного опыта: реальное, воображаемое и символическое тело. Реальное – это непосредственный, «сырой» и несимволизованный опыт. Реальное переживается как фрагментированное тело, как агрегат органов, жидкостей, процессов и продуктов. Взрослый субъект редко сталкивается с реальным. Это, прежде всего, то, как тело переживает младенец. Реальное сопротивляется символизации. Воображаемое тело, напротив, обозначает тело как осмысленное целое. Первое усилие ребенка по трансформации фрагментированного тела в некоторую когерентную целостность Лакан называет стадией Зеркала. Лакан указывает, что, узнавая себя в Зеркале, ребенок впервые осознает себя как законченного индивида. Однако это чувство целостности зависит от внешнего образа, и таким образом остается очень хрупким и зависимым от такого образа. В качестве Зеркала может выступать как буквальное отражение в зеркале, так и другой – например, родитель – становясь вместилищем для проекций и фантазий ребенка.

⁶ Кажимость (*semblant*) – онтологический аспект искаженной видимости.

Библиография

Klein, M. (1946) Notes on some schizoid mechanisms. *International Journal of Psycho-Analysis*, No 27, p. 99–110.

Lacan, J. (2001) *Ecrits: A selection*. London: Routledge.

Rustin, M. (2019) *Researching the unconscious: Principles of psychoanalytic method*. London: Routledge.

Zwart, H. A. E. (2019) *Purloined Organs: Psychoanalysis of Transplant Organs as Objects of Desire*. Springer.

© МАиБ, 2021

© Мартынов И.А., 2021

Аннотацию, ключевые слова и сведения об авторе на английском языке см. на сс. 285-286 в номере журнала, DOI: 10.33876/2224-9680/2021-1-21